

«Другой профессии я выбрать не мог...»

- Павел Павлович, какие чувства вы испытывали в первые дни войны? Ведь вам было всего 13 лет и для вас, скорее всего, начало войны было большим потрясением?

- Мальчишки не чувствовали этого потрясения. Психологически они такого страха, просто в силу своей неопытности, не осознают. Откровенно говоря, оцепенение было, но не сразу до нас дошло, почему взрослые, особенно женщины, плачут. Война... да мы в эту войну недавно только играли.

- Расскажите о блокаде Ленинграда. Многого говорится о том, какие страшные вещи там происходили. Хотелось бы услышать ваше впечатление об увиденном.

- Я лично был в Ленинграде, когда блокаду уже сняли. Но чувствовалось, что людям было очень тяжело. Как сейчас помню, к нам приходили рабочие делегации и были там 3-4 женщины-ленинградки. Это, конечно, «ходячая смерть». И всего-то они говорили: «Посмотрите на нас, мы умираем». Больше им не нужно было ничего говорить, агитировать нас. Эти слова стоили выступления всех командиров.

- Вы думали, что война будет такой долгой?

- Конечно. 43-й год, август месяц, а мы еще сидели под Ленинградом, еще блокада не снята, еще только 12 км прорвали. Меньше 4-х лет она не могла длиться. На скорую победу никто не рассчитывал. Но уверенность уже появилась.

- Какое у вас самое страшное воспоминание о войне?

- Самое страшное воспоминание о войне — это голод,

когда я был в оккупации. А также ощущение безысходности, безнадежности, чувство постоянной опасности. Я, как и многие другие, был выбит со своей нравственной, моральной, душевной орбиты.

- Был ли у вас человек на войне, который вас поддерживал?

- Командир. Он был для меня как отец. Он и взял меня к себе в часть, а ведь попасть туда было очень сложно. Там были в основном взрослые. И я, мальчишка, бегал с автоматом. У людей тогда было больше сострадания. Взрослые не разрешили бы ребенку бросаться под танк, это же их сын.

- Почему вы выбрали себе такую профессию, такой жизненный путь?

- Другой профессии я выбрать не мог. Я сделал то, что сделали десятки, тысячи фронтовиков. И не потому, что я ни на что больше не способен. К этой деятельности я был подготовлен всей предшествующей своей жизнью. У меня болезненное отношение к несправедливости, жестокости, злу, которое причиняют ни за что.

- Сейчас снимают много фильмов о Великой Отечественной войне, например «Штрафбат». Смотрите ли вы такие фильмы, и, как вы думаете, правдивая ли там жизнь изображена?

- Нет, не смотрю. Но я много слышал о «Штрафбате». Мне кажется, там сам подход неверный. Авторы хотят убедить зрителей: «О войне все говорят в розовом, патриотическом виде, а ведь вот что было!» На самом деле в основе штрафбатовского движения лежит не то, что хотели сказать в этом фильме. Родина находилась в тяжелом положении, и штрафникам давалась возможность искупить вину кровью или своими делами. Их ставили на самые

ответственные участки не потому, что их было не жалко, а потому, что на них можно было положиться. Штрафбат — это элемент трагедии нашей войны. Но то, что это были люди второго сорта и с ними не считались, — неправда. Задача этого фильма — дегероизировать. Ну что может сказать молодой режиссер, сценарист, постановщик? Он о войне уже ничего не знает, книжек хороших не читал. У него современный взгляд на жизнь, на события Великой Отечественной войны.

- А какие фильмы, посвященные войне, вы любите?

- Когда я приехал с фронта, я 15 раз ходил в кинотеатр на фильм «Два бойца». На какой фильм сегодня молодой человек может сходить столько раз? Там душа народа, там война показана так, как она есть. Мы смотрели великолепную игру актеров, опереживали. А сейчас фильмы развлекательные, они меня не трогают.

- Как вы думаете, вот началась война сегодня, смогли бы мы, наше поколение, так же защитить страну?

- Сложно сравнивать, нужна идентичная ситуация.

У нашей молодежи нет особо острых условий, где они смогли бы себя крайне патриотично проявить. Здесь нужна встряска. Она должна пройти пробу огнем, пробу страданиями, испытаниями. Ведь чувство патриотизма не изменяется со временем, оно вечно. Это духовное свойство человека, присущее нашему менталитету. Если выпадет испытание — патриотизм проявится. Наши ветераны делают ошибку, говоря: «Если случится вдруг война, разве вы пойдете!» Я считаю, что пойдут.